

ВОЕННЫЙ АРХИВ

ЧУДО СТАЛИНГРАДА

БОРИС
СОКОЛОВ

Военный архив (Алгоритм)

Борис Соколов

Чудо Сталинграда

«Алисторус»

2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Соколов Б. В.

Чудо Сталинграда / Б. В. Соколов — «Алисторус»,
2014 — (Военный архив (Алгоритм))

В новой сенсационной книге известного историка главное внимание уделено малоизвестным аспектам Сталинградской битвы и связанным с ней мифам. Рассматривается весь ход кампании 1942 года, от принятия Гитлером в апреле 1942 года плана «Блау», предусматривавшего захват Кавказа и выход на Волгу, и вплоть до капитуляции 6-й немецкой армии в Сталинграде 2 февраля 1943 года. Особое внимание уделяется соотношению потерь сторон альтернативным вариантам развертывания Сталинградской битвы. Книга написана на основе уникальных и никогда не публиковавшихся ранее архивных материалов. Новый взгляд на Сталинградскую битву, для широкого круга читателей.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

© Соколов Б. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Введение	7
План «Блау»	10
Путь к Сталинграду. «Идем вдоль и поперек России, ломая всякое сопротивление»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Борис Соколов Чудо Сталинграда

Когда мы покидали свой родимый край
И молча уходили на восток,
Над синим Доном,
Под старым кленом
Маячил долго твой платок.

.....

Изрытая снарядами, стонала степь,
Стоял над Сталинградом черный дым.
И долго-долго У самой Волги
Мне снился Дон и ты над ним.

З. Кац, А. Талалаевский. «Над синим Доном»

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь!
Сколько стоил ему Сталинград!

.....

Эти черные, тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?

Побеждая в военной науке,
Вражьей кровью окрасив снега,
Он в народа могучие руки
Обнаглевшего принял врага.

А. Вертинский. «Он»

Здесь бились за правду солдаты
И Волга тот подвиг хранит.
От стен Сталинградских до сопки маньчжурских
Пусть русская слава гремит

О. Строк. «Сталинградский вальс»

Не забывай те грозные года,
Когда кипела волжская вода,
Земля тонула в ярости огня
И не было ни ночи и ни дня.
Сражались мы у волжских берегов,

На Волгу шли дивизии врагов,
Но выстоял великий наш солдат,
Но выстоял бессмертный Сталинград!

Н. Добронравов. «Не забывай те грозные года...»

Ты тоже родился в России —
В краю полевом и лесном.
У нас в каждой песне березка,
Березка под каждым окном,
На каждой весенней полянке
Их белый, живой хоровод,
Но есть в Волгограде березка —
Увидишь и сердце замрет.

М. Агашина. «Растет в Волгограде березка...»

Идут красноармейские колонны,
Суров и грозен их походный строй,
За Сталинград, наш город непреклонный,
За Сталинград, любимый город мой.

Идут бойцы, кругом земля родная,
Осенний отблеск солнца на штыках.
Идут они и, может быть, не знают,
Что каждый шаг останется в веках.

А. Репихин. «Походная»

Введение

Сталинградская битва, наверное, – самая известная битва Второй мировой войны. Это сражение повернуло ее ход. До Сталинграда вермахт практически не знал поражений, после него – не знал побед. Наоборот, если Красная Армия до Сталинграда почти что не одерживала побед (за исключением битвы под Москвой), то после Сталинграда она не знала поражений. Для западных союзников таким поворотным пунктом стала битва при Эль-Аламейне, разворачивавшаяся параллельно со Сталинградской битвой, но многократно уступавшая ей по масштабу. До нее западные союзники выиграли одну только воздушную битву за Британию, а после Эль-Аламейна уже не знали поражений. Многим тогда советская победа под Сталинградом казалась чудом. Ведь до этого немцы неизменно били Красную Армию и гнали ее от границы до Москвы, Ленинграда и Кавказа, причем темпы продвижений вермахта, особенно танковых и моторизованных дивизий, часто были выше темпов продвижения германских войск во время кампаний в Польше и Франции. Но в России против Германии работал важнейший фактор пространства, равно как и практическая неограниченность людских ресурсов Советского Союза. Численность населения СССР в середине 1941 года – более 200 млн. – человек в 2,5 раза превышала суммарную численность населения Польши и Франции. Но настоящим сюрпризом для немцев стало то, как Сталин использовал свои людские ресурсы. Германская разведка накануне войны довольно точно определила численность Красной Армии и количество более или менее обученных резервистов (хотя уровень их подготовки был неизмеримо ниже уровня подготовки германских резервистов). Но немецкие генералы никак не предполагали, что Сталин будет бросать в бой необученное пополнение, едва научив его ходить строем и не всегда даже обучив стрельбе из винтовки, тогда как в Германии новобранцев и резервистов обучали до полугода, прежде чем послать в бой. Как правило, красноармейцы не умели совершать маневры на поле боя в составе подразделений и вообще не умели вести бой в составе подразделений.

Подавляющее большинство к тому же не умело прицельно стрелять. Их командиры не умели наладить взаимодействие с артиллерией, танками и авиацией, а также провести рекогносцировку поля боя и разведку неприятельских позиций. При этом в СССР под ружье было поставлено подавляющее большинство мужчин призывного возраста, а также около миллиона женщин. Немцы лишь в очень небольшой степени использовали в промышленности женский труд и вообще не использовали труд немецких детей, тогда как в Советском Союзе в годы войны большинство рабочих в промышленности составляли женщины и дети. Кроме того, почти две трети жителей СССР были крестьянами, и среди них на фронт призывались практически все, кто мог держать в руках оружие. И если в Германии вплоть до 1943 года сохранялось довольно значительное промышленное производство товаров для гражданского населения, то в Советском Союзе такое производство было практически полностью прекращено с началом Великой Отечественной войны.

Катастрофическая нехватка рук в советском сельском хозяйстве привела к тому, что на неоккупированной территории голод был гораздо суровее, чем на территориях, оккупированных Германией и ее союзниками, и нередко были случаи людоедства и трупоедства. В Германии сельские жители составляли лишь одну треть населения, а среди горожан процент призывников был гораздо меньше за счет бронирования занятых в военной промышленности и в государственных учреждениях. Конечно, дефицит рабочей силы в тылу германское правительство частично возмещало за счет привлечения к принудительному труду миллионов военнопленных и рабочих из оккупированных стран. В СССР вплоть до конца войны пленных было мало, и в плен они попадали в таком состоянии, что работать по большей части не могли. Но зато в распоряжении Сталина, благодаря поставкам по ленд-лизу, была американская и бри-

танская промышленность, производившая для СССР не только вооружение и боевую технику, но и многие виды сырья, а также продукции, направленной на обеспечение транспорта и военного производства, что позволяло не развивать соответствующие производства в Советском Союзе. И вклад американской и британской промышленности в советские военные усилия был неизмеримо больше, чем вклад военнопленных и «остарбайтеров», равно как и других иностранных рабочих в военную экономику Рейха. Все это еще более увеличивало советское преимущество над Германией по людским ресурсам, привлеченным в армию.

Поскольку вермахт по боеспособности значительно превосходил Красную Армию, то советские потери были во много раз больше немецких. За всю войну соотношение потерь убитыми и умершими, с учетом потерь германских союзников, составило примерно 10:1 в пользу германской стороны. Для большинства же месяцев 1942 года соотношение безвозвратных потерь, в том числе за счет большого числа пленных, было еще хуже для Красной Армии, составляя 20–25:1.

Германия по советскому пути, резко ухудшавшему качество личного состава вермахта, пойти не могла. Тогда германские солдаты по качеству приблизились бы к советским, соответственно и соотношение потерь с Красной Армией, особенно без возвратных, стало бы менее благоприятным для германской армии, а абсолютная величина германских потерь значительно возросла, что привело бы даже к более раннему истощению людских ресурсов Германии, не только не ускорив, а скорее замедлив процесс истощения людских ресурсов Советского Союза.

Если в Германии величина призыва на военную службу определялась способностью как следует обучить и вооружить призывников, то в СССР такие ограничители практически не действовали и призывались все, способные держать в руках оружие, включая значительную часть женщин, независимо от возможностей их обучить и вооружить.

Данное обстоятельство делало войну со стороны Советского Союза особенно кровавой, что в полной мере проявилось и в ходе Сталинградской битвы.

Но для реализации своего перевеса в людях Сталину необходимо было пространство. А поскольку немцы продвигались быстро, требовалась достаточно большая по протяженности территория, чтобы немецкие войска истощили свои силы. И тут на помощь Сталину пришла география. По мере продвижения по территории СССР с запада на восток фронт наступления значительно расширился. Особенно резко такое расширение происходило на юге, за Ростовом. А немецкий план войны на Востоке на 1942 год как раз и предусматривал нанесение главного удара на юге, причем в двух расходящихся направлениях – на Сталинград и Кавказ. В случае, если Красная Армия не развалится под натиском врага и у нее хватит ресурсов, чтобы его остановить, открывалась перспектива серьезного истощения вермахта. А при растяжении линии фронта неизбежно должны были образовываться большие выступы, в которых, в случае советского контр наступления, могли бы попасть в окружение значительные группировки немецких и союзных им войск, подобно тому, как это произошло с двумя советскими армиями в Белостокском выступе вскоре после нападения Германии на Советский Союз.

Вероятно, если бы Гитлер в 42-м отказался от похода на юг, а после разгрома советских войск под Харьковом и в Крыму в мае предпринял бы генеральное наступление с Ржевско-Вяземского плацдарма, ему бы, учитывая охватывающее положение немецких войск, наверняка удалось окружить и уничтожить значительные силы Западного и Калининского фронтов. Тогда, вероятно, военная карьера Жукова, Конева а возможно и Василевского была бы окончена, зато Тимошенко и Малиновский, возможно, сыграли бы в последующих сражениях более значительную роль. И, даже если бы немцы не взяли Москву, они бы сократили линию фронта. На юге же они могли ограничиться захватом Ростова и Таманского полуострова. В этом случае вермахт избежал бы катастрофы подобной Сталинградской, и война бы затянулась, возможно, на несколько месяцев. А тогда она, скорее всего, закончилась бы американской атомной бомбардировкой Германии.

Разгром 6-й немецкой армии в Сталинграде был воспринят во всем мире как настоящее чудо. В СССР Сталинградскую битву стали воспринимать как главную битву Великой Отечественной войны. Она отразилась в песнях, стихах, романах, кинофильмах. Можно вспомнить самую честную книгу о Сталинграде – «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, дилогию Василия Гроссмана «За правое дело» и «Жизнь и судьба», а также «Горячий снег» Юрия Бондарева. Из советских фильмов наиболее значительны «Великий перелом», снятый Фридрихом Эрмлером в 1945 году, «Сталинградская битва», выпущенная режиссером Владимиром Петровым в 1949 году, в год сталинского юбилея, «Сталинград» Юрия Озерова, снятый в 1989 году. Разумеется, в фильмах, снятых при жизни Сталина, он выставлялся главным творцом Сталинградской победы. В то же время во всех указанных фильмах удалось передать эпический размах сражения, героизм советских солдат и их жертвы ради победы. Да и немцы, сражавшиеся в Сталинграде, были даны отнюдь не карикатурно, с уважением к их мужеству, тогда как Гитлер и его окружение представлены в чисто сатирических тонах. Роман же Гроссмана во второй своей книге стал одним из первых художественных произведений, где советский и нацистский тоталитарные режимы были показаны как тождественные. В фильме Юрия Озерова, снятом на исходе перестройки, Сталин критикуется за репрессии, но в целом Сталинградская битва дана по советским канонам.

Между тем, сегодня благодаря публикациям мемуаров и прежде секретных документов мы знаем о Сталинградском сражении, да и об истории Второй мировой войны больше, чем еще 20 лет назад. И это знание заставляет предположить, что на самом деле перелом в войне в пользу Советского Союза и других стран Антигитлеровской коалиции произошел несколько раньше, чем дивизии Паулюса оказались в огненном кольце. И даже если бы им удалось оттуда вырваться, это не изменило бы существенным образом ни сроки окончания войны, ни ее исход.

План «Блау»

Поздней осенью 1941 года Гитлеру стало ясно, что «блицкриг» в России не достиг своих целей. А это, по его мнению, исключало достижение полной победы Германии в мировой войне. Уже 19 ноября фюрер заявил начальнику генерального штаба сухопутной армии генерал-полковнику Францу Гальдеру, что Германии не удастся добиться полной победы над Россией и ее союзниками, и война закончится компромиссным миром: «В целом можно ожидать, что обе враждующие группы стран, не будучи в состоянии уничтожить одна другую, придут к компромиссному соглашению». В связи с этим Гитлер, согласно записи Гальдера, поставил следующие задачи на 1942 год: «б) Задачи на будущий (1942) год. В первую очередь – Кавказ. Цель – выход к южной русской границе. Срок – март – апрель. На севере – в зависимости от итогов операций в этом году. Овладение Вологодой или Горьким. Срок – к концу мая.

Вопрос о том, какие цели можно будет поставить перед собой после этого, пока не решен. Это будет зависеть от эффективности работы наших железных дорог. Вопрос о создании в дальнейшем Восточного вала также оставлен открытым!»

В то же время, по словам Гальдера, «фюрер очень высоко оценивает политическое значение наших успехов в России, которые он считает невиданным достижением. Он полагает, что в результате потери важнейших источников сырья, в особенности угольного бассейна, военный потенциал русских значительно снизился и в военно-экономическом отношении они не смогут быстро встать на ноги».

5 апреля 1942 года Гитлер издал директиву № 41 о проведении операции, в дальнейшем получившей название «Блау». Предусматривалось уничтожить противника западнее Дона. Затем должны были последовать наступления на Кавказ и Сталинград, причем Сталинград тогда еще планировалось только блокировать. В директиве утверждалось: «Благодаря выдающейся храбрости и самопожертвованию солдат Восточного фронта германское оружие добилось в оборонительных боях величайшего успеха огромнейшего масштаба.

Враг понес тяжелые потери в людях и технике. В своем стремлении использовать мнимые первоначальные успехи этой зимой он в значительной мере израсходовал главные силы своих предназначенных для дальнейших боев резервов».

Оценка действий Красной Армии была в целом верной. Сталин переоценил успех контрнаступления под Москвой и степень поражения вермахта. Он попытался развернуть стратегическое наступление по всему фронту, но лишь истощил людские и материальные ресурсы, не нанеся немцам сколько-нибудь существенных потерь и добившись лишь незначительного выигрыша территории. При этом советские плацдармы, хотя и создавали угрозу германской обороне, сами оказывались весьма уязвимы для фланговых ударов противника.

В директиве Гитлера от 5 апреля 1942 года указывалось, что наступление «должно быть проведено с таким расчетом, чтобы силы, наступающие вниз по Дону, объединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог – Артемовск между нижним течением Дона и Ворошиловградом через Донец в восточном направлении. И в завершение последние должны соединиться с танковой армией, наступающей на Сталинград. Если в ходе этих операций, особенно благодаря захвату неповрежденных мостов, представится возможность образовать предмостные плацдармы восточнее и южнее Дона, то такой возможностью необходимо воспользоваться. Во всяком случае, следует пытаться дойти до самого Сталинграда или, по крайней мере, вырвать его из числа промышленных центров и узлов сообщения, подвергнув его действию нашего тяжелого оружия». Здесь даже само занятие Сталинграда считалось необязательным, поскольку допускалась возможность вывести его из строя в качестве транспортного узла и центра военной промышленности с помощью бомбардировок. Как Воронеж, так и Сталинград был лишь вспомогательным направлением наступления, обес-

печивавшим марш на Кавказ. Воронеж даже не предполагалось занимать полностью, ограничившись правобережной частью города, чтобы прикрыться Доном от возможных советских атак.

В развитие директивы от 5 апреля был составлен план «Блау», согласно которому северная группировка немецких войск на юге (группа армий «Б») должна была продвигаться из района Курск – Харьков к среднему течению Дона на юго-восток, тогда как южной группировке (группе армий «А») следовало быстро выдвинуться в южном направлении из района Таганрога. Они должны были соединиться западнее Сталинграда, окружив и уничтожив главные силы советских войск между Донцом и Доном. После этого должно было последовать наступление на Кавказ.

На центральном участке фронта Гитлер собирался ограничиться обороной, а на севере хотел взять Ленинград.

Целью операции «Блау» было «окончательно уничтожить живую силу, оставшуюся еще у Советов, и лишить русских возможно большего количества важнейших военно-экономических центров».

В директиве от 5 апреля 1942 года Гитлер потребовал «прежде всего сосредоточить для главной операции на Юге все наличные войска с целью уничтожить противника на подступах к Дону и затем овладеть кавказскими нефтяными районами и перевалом через Кавказский хребет».

Предварительным условием для начала большого наступления считалось очищение от советских войск Керченского полуострова и Севастополя и ликвидация советских плацдармов под Харьковом.

Наступление с целью уничтожения противника должно было осуществляться «в виде последовательных взаимосвязанных или дополняющих друг друга наступательных операций».

Гитлер требовал, чтобы войска не ограничивались оперативным окружением, а как можно скорее создавали плотное блокадное кольцо. Операция «Блау» должна была начаться наступлением из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Советские войска планировалось уничтожить двусторонним охватом танковыми и моторизованными дивизиями, которые должны были захватить Воронеж, причем северное крыло следовало иметь сильнее южного. В ходе наступления пехотные дивизии должны были создать сильный оборонительный фронт между Орлом и Воронежем, тогда как «задача танковых и моторизованных соединений наступая из Воронежа своим левым флангом и опираясь на Дон, продолжать наступление на юг для поддержки второго прорыва, который должен быть произведен из района Харькова на восток. Здесь также первоначальная цель – не вдавливать русский фронт внутрь, а во взаимодействии с наступающими вниз по течению Дона соединениями уничтожить русские войска».

Затем должен был последовать третий этап операции «Блау». Войскам северной группировки необходимо было наступать вдоль Дона, чтобы потом в районе Сталинграда соединиться с другой группировкой, наступающей из района Таганрог – Артемовск между нижним течением Дона и Ворошиловградом через Донец на восток. При этом подчеркивалось: «С целью не дать значительной части расположенных севернее р. Дон русских сил переправиться через него и уйти на юг важно, чтобы правое крыло боевой группы, продвигающейся из направления Таганрога на восток, было усилено танками и моторизованными войсками, которые в случае необходимости следует создавать также и в виде импровизированных соединений».

Сам по себе план «Блау» был не так плох. Он предусматривал достижение решительных целей и окружение и уничтожение основных советских сил на юге. Но если выполнить эту задачу не удалось, дальнейшее наступление, опиравшееся всего на одну железную дорогу, становилось очень опасным. Германские войска и их союзники могли оказаться в голой степи против превосходящих советских сил и с совершенно недостаточными запасами боеприпасов, продовольствия, фуража и горючего.

В плане «Блау» уже присутствовала возможность будущего похода к Сталинграду: «Если в ходе этих операций, особенно в результате овладения неповрежденными мостами, возникнет перспектива создания плацдармов восточнее или южнее р. Дон, такими возможностями надо воспользоваться. В любом случае следует попытаться достигнуть самого Сталинграда или же по меньшей мере подвергнуть его воздействию нашего оружия в такой степени, чтобы он перестал служить военно-промышленным и транспортным центром».

В директиве № 41 также говорилось: «Для занятия все более удлиняющейся в ходе этих операций линии фронта по р. Дон привлечь в первую очередь соединения союзников при том условии, что германские войска будут использоваться в качестве мощного барьера между Орлом и р. Дон, а также вдоль прибрежной полосы Сталинграда; в остальном же отдельные германские дивизии будут находиться позади линии, проходящей вдоль р. Дон, в качестве подвижного резерва».

Здесь под замысел Гитлера сразу же закладывалась скрытая мина. Союзники, действовавшие на юге, значительно уступали по боеспособности вермахту. На равных с Красной Армией могла сражаться только румынская армия, но и она не выдержала бы натиск советских сил, значительно превосходящих ее в людях и технике. В случае, если бы Сталину удалось сосредоточить против румынских, итальянских и венгерских войск значительно превосходящие их по численности личного состава и боевой технике силы, то прорыв фронта стал бы неизбежен. И тогда у немецких войск, действовавших на Сталинградском направлении, оставался бы очень неширокий выбор действий: либо оказаться в окружении с очень мрачными перспективами снабжения, либо прорываться сквозь боевые порядки советских войск на запад или на юго-запад с очень большими потерями, в том числе с гарантированной потерей всей тяжелой артиллерии, сосредоточенной для штурма Сталинграда. И в любом случае это означало бы крах германских планов на 1942 год.

Строго говоря, следующую после «Блау» операцию (а точнее две операции – походы на Сталинград и Кавказ) можно было начинать только в том случае, если бы к этому моменту удалось уничтожить основные советские силы на юге. Если бы этого достичь не удалось, то наступление к Сталинграду становилось слишком рискованным. С учетом подошедших резервов советское командование могло поставить в трудное положение Сталинградскую группировку вермахта. Поскольку жизненно важным для исхода войны считалось лишение Советского Союза кавказской нефти, то логично было бы сосредоточиться на походе на Кавказ, ограничившись занятием большой излучины Дона, что было, во всяком случае, необходимо для прикрытия кавказской группировки. Но совсем не выделять более или менее значительную группировку войск на Сталинградское направление, хотя бы и прикрытую Доном, было нельзя. Ведь значительные силы советских войск, отступившие к Сталинграду, получив подкрепления, рано или поздно перешли бы в контрнаступление. Поэтому немцам благоразумнее было бы ограничиться достижением линии Дона, заняв здесь оборону против возможного наступления советских войск из района Сталинграда. Тем более, что, как показали дальнейшие события, с этого рубежа оказалось возможным почти полностью уничтожить с помощью бомбардировок с воздуха сталинградскую промышленность и парализовать работу сталинградского транспортного узла. Решение Гитлера штурмовать город диктовалось как соображениями престижа (захват вермахтом крупного советского города, носящего имя Сталина), так и переоценка степени поражения Красной Армии весной и летом 1942 года.

А вот как оценивал замысел немецкого наступления один из главных участников Сталинградского сражения фельдмаршал Фридрих Паулюс. Правда, свои воспоминания бывший командующий 6-й немецкой армией писал в 1947 году, находясь в советском плену: «Замысел был таков: разбить русские силы, расположенные по фронту Ростов – западнее Оскола – западнее и северо-западнее Воронежа, чтобы тем самым создать предпосылки для дальнейших решающих операций на востоке».

1 июня 1942 года в штабе группы армий «Юг» Гитлер и Кейтель провели совещание, посвященное выполнению плана «Блау». Как вспоминал Паулюс, наступление с целью уничтожения противостоящих советских сил предусматривалось провести в три этапа:

«1) Наступление 1-й танковой армии с ограниченной целью из района юго-восточнее Харькова, с задачей достичь Оскол на линии Устье – Купянск. Цель: облегчение южного фланга наступления...

2) Достичь Дон от Н. Калитвы до Воронежа. Цель: прикрытие северного фланга будущего главного наступления...

Для этого: наступление 6-й армии из района Волчанска и севернее направления Новый Оскол, 4-й танковой армии и 2-й армии из района Курска, направление Старый Оскол, чтобы после прорыва русского фронта уничтожить силы русских, стоящие западнее Дона, охватив их с двух сторон.

3) Главное наступление 1-й танковой армии и подлежащей переброске из района западнее Воронежа на юг в район южнее Россось 4-й танковой армии на прорыв фронта между Донцом и Доном в направлении Миллерово. Затем, отправив для прикрытия отдельные части на восток, основные массы направить на юг (устье Донца), чтобы во взаимодействии с 17-й армией и 8-й итальянской армией окружить силы русских, стоящие между Ростовом, северо-западнее Старобельска и Миллерово».

Решение о дальнейших операциях должно было приниматься в зависимости от достигнутых результатов. Бок во время совещания заявил, что хотя 6-я армия по достижении Дона имеет перед собой сначала чисто оборонительную задачу», но должна быть готова к широкому продвижению на восток.

По утверждению Паулюса, Гитлер на этом совещании заявил: «Русские силы истощились в боях зимой и весной. При этих обстоятельствах необходимо и возможно в этом году привести войну на востоке к решающему исходу. Моя основная мысль – занять область Кавказа, возможно, основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен прекратить войну... Для защиты... фланга продвигающихся на Кавказ сил мы должны в излучине Дона продвинуться как можно дальше на восток... Более крупные силы союзников – румын, итальянцев, венгров – начнут действовать после начала наступления. Будущие подкрепления, смотря по положению...»

Тут, вероятно, Паулюс что-то недослышал. Сама по себе нефть Майкопа и Грозного для Гитлера решающего значения иметь не могла. Для ведения войны ему вполне хватало румынской нефти и синтетического горючего, а также нефтяных месторождений в Австрии, Венгрии и в Дрогобыче (Восточная Галиция). В 1938 году Германия произвела 2,5 млн. тонн нефти и нефтепродуктов – примерно треть от потребностей мирного времени, главным образом в виде синтетического бензина. Из Румынии тогда поставлялась 451 тыс. тонн нефтепродуктов, из США, Венесуэлы и Ирана – около 4,5 млн. тонн. В 1939 году импорт возрос до 5 165 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов – на 200 тыс. тонн больше, чем в 1938 году, но в 1940 году упал до 2 075 тыс. тонн, главным образом из Румынии (более 1 млн. тонн), Венгрии и Советского Союза. От последнего поступило 619 тыс. тонн, а в первой половине 1941 года – еще 256 тыс. тонн. В 1941 году румынский нефтяной экспорт в Рейх вырос до 2 086 тыс. тонн, и это не считая нефтепродуктов, которые пошли на снабжение румынских войск на Восточном фронте. Кроме того, только во Франции в 1940 году было захвачено 250 тыс. тонн авиабензина. Но еще в марте 1941 года начальник бюро военной экономики и вооружений генерал Георг Томас предупредил Кейтеля и Геринга в специальном докладе, что в конце октября в военной экономике Рейха возникнет дефицит нефти. В этом была одна из причин, почему Гитлер хотел побыстрее захватить Крым, откуда советская авиация бомбила нефтепромыслы в Плоешти и нефтяной терминал в порту Констанцы, что затрудняло экспорт в Германию румынской нефти.

Но для того, чтобы можно было использовать нефтяные месторождения Майкопа и Грозного для снабжения хотя бы южного крыла германских армий на Востоке, требовалось захватить нефтеперерабатывающие заводы в Туапсе и Грозном. Однако не было практически никаких шансов, что русские не взорвут или не эвакуируют НПЗ. К тому же советские НПЗ вырабатывали бензин низкого качества, который довольно трудно было использовать для нужд германской армии. А без захвата НПЗ добыча нефти в Майкопе и Грозном для Германии теряла всякий смысл. Немцы, правда, в пропагандистских целях и в символическом объеме возобновили добычу нефти в Майкопе. Но добыча нефти в промышленном масштабе здесь была бесполезна. Ведь всю добытую нефть для переработки пришлось бы отправлять в Германию, забывая и без того работающую на пределе возможностей единственную железнодорожную магистраль на Ростов, по которой шло снабжение германских и союзных войск, наступающих на Кавказ и Сталинград.

Поэтому для Гитлера важен был не столько захват нефтяных месторождений сам по себе, сколько тот факт, что этими месторождениями не сможет больше пользоваться Сталин. Но с этой точки зрения небольшие месторождения в Майкопе и Грозном решающей роли не играли, и их захват вермахтом не мог подорвать способность Красной Армии к сопротивлению. Тут требовалось захватить главный центр нефтедобычи и нефтепереработки в СССР – Баку. Конечно, после потери Баку войска Закавказского фронта могли отступить в Иран и там продолжать сопротивление при поддержке британских войск и с использованием иранской нефти. Из Ирана и без того в СССР поставлялись нефтепродукты, а для оккупации Ирана сил у немцев, даже в случае захвата Баку, все равно бы не осталось. Через Иран в годы войны прошло 24 процента тоннажа всех поставок по ленд-лизу. В этом отношении иранский маршрут уступал только дальневосточному. Правда, если бы немцы захватили Баку и Астрахань, то с помощью авиации смогли бы затруднить, если не полностью парализовать, перевозки по Каспийскому морю. Вероятно, пришлось бы строить новые нефтепроводы и НПЗ, что требовало времени. По ленд-лизу нефть, в отличие от нефтепродуктов, в СССР практически не поступала. Но в случае потери Баку англичане и американцы, вероятно, стали бы поставлять какое-то количество сырой нефти из Ирана, чтобы загрузить советские НПЗ. Но и без этого через Иран было поставлено 573 тыс. тонн нефтепродуктов из НПЗ в Абадане – пятая часть всех нефтепродуктов, полученных Москвой по ленд-лизу. Очевидно, в случае падения Баку эти поставки из Ирана были бы увеличены. Кроме того, бензин и другие нефтепродукты союзники поставляли по двум другим маршрутам – дальневосточному и северному.

Но, в любом случае, только захват немцами Баку мог существенно подорвать советскую способность к сопротивлению, хотя бы на время, пока не удалось бы компенсировать бакинскую нефть за счет иранской. И Гитлер прекрасно понимал, что только захват Баку может иметь для Германии стратегическое значение и существенно понизит уровень советского сопротивления. И он никак не мог утаить от своих генералов, что им придется идти за Большой Кавказский хребет и штурмовать Баку, иначе весь кавказский поход просто терял смысл.

Паулюс признавал: «Так как русское командование не принимало решающего боя, а планомерно отступало, 6-я армия с середины июля была повернута в направлении большой излучины Дона, левым флангом вдоль реки. Задача: прикрыть фланг и тыла наступления... а также дальнейшее продвижение этих частей через нижнее течение Дона на юг и на юго-восток.

В то время как 6-я армия во второй половине июля сражалась на линии Суровикино – Клетская за донские высоты, из армейской группировки поступил приказ на продолжение наступления до Волги у Сталинграда. Задачу прикрытия войск у Дона стала выполнять 2-я армия, а с течением времени – союзные войска.

Бои за высоты северо-западнее Калач тянулись до середины августа. Между 20 и 23 августа VIII и I армейскими и XIV танковым корпусами была завоевана переправа через Дон у Калача и севернее от него. XIV танковому корпусу удалось, правда, достичь Волги север-

нее Сталинграда, но I корпус встретил упорное сопротивление в предполье Сталинграда, в то время как VIII армейский корпус стоял на защите фланга восточнее Дона. Ожидания взять Сталинград внезапным ударом потерпели тем самым окончательный крах.

Самоотверженное сопротивление русских в боях за высоты западнее Дона настолько задержало продвижение 6-й армии, что за это время оказалось возможным планомерно организовать оборону Сталинграда».

Получается, что немцы рассчитывали на захват Сталинграда внезапным налетом. Однако подобную операцию можно было бы осуществить только в том случае, если бы основная масса советских войск была уничтожена на фронте «Ростов» и далее к западу от Оскола и западнее и северо-западнее Воронежа. Тогда Сталинград было бы просто некому защищать, и его спокойно бы заняли несколько танковых и моторизованных дивизий 6-й армии. Однако уже к концу июля стало ясно, что основные силы Красной Армии на юге уцелели, хотя и понесли большие потери, а поэтому надежд на внезапный захват Сталинграда не осталось. Даже если бы одна-две немецкие дивизии прорвались к Сталинграду, они не смогли ни оккупировать весь город, ни успешно отразить, без подхода значительных подкреплений, атаки подходящих к Сталинграду советских войск. И в этом случае за город все равно бы развернулась многомесячная упорная борьба, как это было, например, со Смоленском, в который в июле 41-го внезапно ворвались танки Гудериана.

Итак, согласно плану «Блау», в летне-осеннюю кампанию 1942 года на советско-германском фронте Гитлер стремился достичь две стратегические цели – захватить нижнее течение Волги и Кавказ. Тем самым он рассчитывал лишить Советский Союз основных источников нефти и прервать связь центральных районов со Средней Азией и Ираном, откуда, в частности, шли поставки по ленд-лизу. Согласно этому плану, вскоре после начала наступления группа армий «А» (командующий генерал-фельдмаршал Лист) в составе 17-й и 1-й танковых немецких армий должна была наступать на Ростов и далее на Северный Кавказ, имея своей конечной целью захват Закавказья и прежде всего – нефтепромыслов Баку. Группа армий «Б» (командующий фельдмаршал фон Бок) в составе 6-й и 4-й танковых немецких армий должна была наступать к Сталинграду и далее к Астрахани.

2-я немецкая армия из группы «Б» при содействии 4-й танковой армии и 2-й венгерской армии должна была овладеть правобережной частью Воронежа, поставить заслон по Дону и обеспечивать левый фланг группировки, наступающей на Сталинград. В состав группы армий «Б» были также включены 8-я итальянская и 3-я и 4-я румынские армии.

Путь к Сталинграду. «Идем вдоль и поперек России, ломая всякое сопротивление»

Красная Армия в ходе зимнего и весеннего наступления на юге пыталась освободить Харьков, вторую столицу Украины и ее главный промышленный центр. Этого сделать не удалось, но ценой больших потерь был захвачен плацдарм в районе Барвенково, за который в январе – марте 1942 года шли тяжелые бои.

Немецкий капитан, командир батальона 294-й пехотной дивизии, оборонявшего опорный пункт Песчаное, наблюдал последствия этих боев. 16 апреля 1942 года он записал в дневнике, позднее захваченном в качестве трофея: «Я принимал батальон, который после проведенного только что победоносного боя выделялся особо хорошим моральным состоянием. Сначала он был вместе со всеми отброшен русскими со своих позиций. Оставление позиций нашими людьми было подобно бегству. (Теперь, когда я точно знаю эти позиции и знаю о поддержке, которая имелаась здесь, я должен назвать это безответственным и непонятным.) Затем снова была отвоевана обратно часть села, и 9 апреля с помощью пикирующих бомбардировщиков и танков все село вновь перешло в германские руки. Таковы были бои за Песчаное на Бабке, за удержание которого отныне отвечал я, во главе ослабленного боями батальона, стрелковой роты, тяжелой минометной группы, инженерного взвода, взвода ПТО. Меня поддерживают легкая полевая гаубица, 240 мм мортира, 10-см пушка и 15-см пушка. Это поддержка, которая, в общем, редко встречается.

Я пешком отправился в Песчаное. Здесь я увидел поле боя, которое можно встретить только в этом походе. Сотни убитых русских, среди них и немецкие солдаты. Все в большинстве полураздетые, без сапог, с ужасными ранами и застывшими конечностями. Среди них русские гражданские лица, женщины. Трупы лошадей и скота с вывалившимися внутренностями. Оружие, боеприпасы, танки, орудия. Едва ли хоть один дом во всей деревне был в порядке: большинство разрушено так, что осталась лишь печка. Там и здесь еще бродят среди застывших трупов женщины...

Боевой дух русских солдат теперь не оценивают здесь высоко. Сопровождавшиеся для них большими потерями зимние бои заметно подорвали их моральное состояние. Небольшой намек на это дают многочисленные перебежчики. На нашем участке их 18-го числа было двое, 19-го числа четыре. Все азиаты, которые были кое-как обучены и брошены на передовую. Они говорят, русские остаются позади и гонят их вперед... Они считали себя только в плену свободными. Как парадоксально это ни звучит, но это, по-видимому, соответствует действительности. Русские принимают все больше мер к предотвращению перебежек, а также бегства с поля боя. Поэтому теперь введены в действие так называемые «охранные роты» (фактически – заградительные отряды. – Б.С.), имеющие одно задание: помешать силой оружия отходу собственных частей. Если дело дошло уже до этого, то законны все выводы о деморализации Красной Армии. Однако одновременно из этого факта ясно видна воля к сопротивлению до последнего и всеми средствами».

Капитан также отмечает, что в Песчаном было найдено около 50 трупов немецких солдат.

Здесь убитые гражданские лица – это в действительности военнослужащие, призванные непосредственно в части, среди которых встречались и женщины. Так, когда в феврале – марте 1945 года 1-й Украинский фронт призвал около 40 тыс. освобожденных «остарбайтеров» и пленных, среди них четверть составляли женщины. Немцы мобилизованных непосредственно в части, которые, как правило, первое время оставались в гражданской одежде, которая обычно была темного цвета, называли «воронами» или «пиджачниками» и сначала даже в

плен их не брали, отпуская домой. Потери среди призванных непосредственно в части, обыкновенно не имевших никакой военной подготовки, были особенно велики.

В руководстве Красной Армии между тем наблюдалось головокружение от успехов, хотя и довольно скромных, достигнутых во время зимнего контрнаступления. 5 мая 1942 года, в самый канун германского наступления в Крыму, Генеральный штаб подготовил «Сводную ведомость о трофеях наших войск и потерях противника за период с 6 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года». В объяснительной записке к этой ведомости утверждалось, что она «составлена на основе донесений военных советов фронтов. В этот период Красная Армия провела целый ряд крупных наступательных операций на всех фронтах, в итоге которых, как указывается в первом приказе наркома обороны СССР тов. Сталина – «...Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам ряд жестоких поражений и вынудила их очистить значительную часть советской территории. Расчеты захватчиков использовать зиму для передышки и закрепления на своей оборонительной линии потерпели крах. В ходе наступления Красная Армия уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, забрала у врага немалое количество техники и заставила его преждевременно израсходовать резервы из глубокого тыла, предназначенные для весенне-летних операций».

Ярким подтверждением этих слов приказа являются цифры потерь врага в живой силе, самолетах, танках, орудиях, пулеметах, автомашинах и другом военном имуществе, приведенные в сводной ведомости о трофеях наших войск и потерях противника за зимний период Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками. Понятно, что эти цифры не могут претендовать на особую точность, они могут колебаться в сторону небольшого увеличения или уменьшения, тем не менее они с полным основанием могут быть взяты за исходный момент для анализа состояния немецко-фашистской армии к весне 1942 года.

1. Потери немецко-фашистских войск только убитыми составляют 786 тыс. человек. Если это количество взять как одну треть к числу раненых, это подтверждается опытом предшествующих войн и настоящей войны, то общие боевые потери противника в людях составят около 2 300 тыс. убитых и раненых. К этой цифре необходимо добавить 150 тыс. – 200 тыс. человек обмороженных, как результат неподготовленности немецкой армии к ведению кампании в условиях суровой русской зимы.

Таким образом, издержки немецкой армии в живой силе за зимний период составляют около 2 500 тыс. человек. Эта цифра потерь, естественно, не может не потребовать от германского командования большого напряжения в деле непрерывного пополнения действующих на фронте частей соответствующим контингентом подготовленных людей, а глубокие прорывы войск Красной Армии на многих участках фронта потребовали от противника ввода в действие свежих соединений и частей, предназначавшихся для весенне-летних операций. Трудно определить, какое количество людей пришло на пополнение в действующие части за счет маршевых рот и запасных батальонов, во всяком случае это пополнение зимой шло непрерывным потоком и перемалывалось в тяжелых оборонительных боях с наступавшими частями Красной Армии. Известно лишь одно: что, несмотря на приход пополнения, около ста дивизий немецкой армии, действующих на восточном фронте, пришли к весне в 30-процентном боевом составе, а несколько десятков дивизий имеют в своем составе 50–60 процентов к штату. Говорить о боеспособности этих дивизий не приходится. Без солидного отдыха и пополнения людьми такие дивизии вряд ли смогут вести наступательные действия. К этому еще нужно присоединить то обстоятельство, что лучшая и наиболее боеспособная часть солдат и офицеров оказалась выбитой.

За период наступательных действий Красной Армии немцы перебросили из Франции и Германии 38–40 новых дивизий, которые начали прибывать на фронт и вступать в действие с января 1942 года. В боях эти дивизии понесли также огромные потери.

На 20 апреля 1942 года на Восточном фронте у немцев находилось 183 дивизии, из них пехотных – 158, танковых – 19, моторизованных – 13. Большая часть этих дивизий участвовала в изнурительных оборонительных боях и понесла большие потери. Для проведения больших наступательных операций в ближайший период времени эти дивизии вряд ли могут быть использованы, так как они нуждаются в пополнении и отдыхе.

2. Потери бронетанковых частей противника равны 4 673 танкам, из них захвачено 1 888 и уничтожено 2 785. В течение зимы для укомплектования танковых частей немцы дали около 3 500 танков. Если считать, что в 19 танковых дивизиях к началу наших наступательных операций было около 2 500 танков, то вместе с пополнением это составит 6 тыс. танков. При вычете потерь зимнего периода остается всего около 1 500 танков. Танковые дивизии как решающая сила гитлеровской военной машины к весне 1942 года оказались обескровленными, и несомненно, что лучший боевой состав танкистов этих дивизий обрел бесславную кончину на просторах советской территории. Танковые дивизии необходимо было также доукомплектовать людьми и материальной частью. К весне эта задача оказалась невыполненной. Но и доукомплектованные танковые дивизии не будут представлять той силы, которую они имели в первые месяцы войны с нами.

3. Потери немцев в артиллерийском вооружении равны 9 867 орудиям разного калибра, в том числе и противотанковые (в самой ведомости указывалось также, что советские войска за зимний период захватили 3 307 и уничтожили 1 635 минометов; уничтожили и захватили 261 бронемашину и 53 929 автомашин. – *Б.С.*). Это количество в переводе дает вооружение 70 немецких пехотных дивизий. Ясно, что возмещение таких потерь вместе с убылью личного состава артиллеристов требует также немалого напряжения людских и материальных ресурсов.

4. За этот период немцы потеряли сбитыми в воздушных боях и уничтоженными на аэродромах 3 475 самолетов (в ведомости отмечалось, что, кроме того, 85 самолетов было взято в качестве трофеев. – *Б.С.*), это дает в среднем на день 25–26 самолетов или материальную часть 14–15 современных немецких авиадивизий, т. е. двухмесячную продукцию авиапромышленности Германии.

Пополнение самолетного парка и возмещение потерь в летном составе, конечно, потребовало известного напряжения, и вряд ли немецко-фашистское командование могло восстановить свою авиацию к весенне-летним операциям на Восточном фронте в количестве, с каким они входили в войну с нами. Это тем более проблематично, что авиапромышленность в Германии и оккупированной зоне Франции находится под систематическим воздействием авиации англичан и не в состоянии поэтому развернуть производство самолетов на полную мощность.

Общий вывод.

Огромные потери в людях и вооружении, понесенные немецко-фашистской армией за зимний период, значительно ослабили ее силы и подорвали ее боеспособность. После непрерывных и изнурительных оборонительных боев зимнего периода немецкой армии потребуются необходимый период времени для переформирования и доукомплектования частей как людьми, так и материальной частью». (РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 30, л. 7-14).

Этот радужный доклад, на основе которого Ставка приняла решение о проведении наступательных операций на Украине и в Крыму (в случае удачного исхода Харьковской операции предполагалось освободить всю Украину), имел очень мало общего с действительностью. На самом деле за период с 11 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года, согласно данным дневника Гальдера, германская армия потеряла на Восточном фронте 78 514 солдат и офицеров убитыми (еще 22 177 пропали без вести), т. е. ровно в 10 раз меньше, чем полагали советские генштабисты, которые фактически принимали немецкие безвозвратные потери равные истинным безвозвратным потерям Красной Армии. Это доказывается одним простым примером. 323-я стрелковая дивизия за три дня боев с 15 по 17 декабря 1941 года в среднем в день теряла

убитыми и пропавшими без вести 560 человек. А вся германская Восточная армия, насчитывавшая к тому времени более 150 дивизий, в период с 11 по 31 декабря 1941 года в среднем ежедневно несла лишь немногим большие безвозвратные потери – 681 человека. Даже с учетом того, что не все советские дивизии (а только стрелковых дивизий к концу 1941 года было 275) вели в эти дни бои той же интенсивности, что и 323-я дивизия, разница в уровне потерь слишком кричащая, чтобы ею можно было пренебречь.

Советский Генштаб к 1 марта 1942 года потери вермахта на Восточном фронте с начала войны оценивал в 6,5 млн. человек, в том числе 5,8 млн. – из состава сухопутных сил. Интересно, как люфтваффе и германский флот ухитрились потерять за восемь месяцев войны с Россией 700 тыс. человек, если до конца января 1945 года на Востоке они потеряли втрое меньше: 16,6 тыс. – флота и 219,0 тыс. – авиации, включая сюда и потери в войне против Польши. Действительные же потери германских сухопутных сил в войне против СССР к 1 марта 1942 года достигли лишь 1 005,6 тысячи человек и были вшестеро меньше, чем считали Сталин и его генералы.

В оценке числа раненых советский Генштаб ошибся не менее красноречиво. В период с 10 декабря 41-го по 20 апреля 1942 года германская Восточная армия потеряла ранеными 273 185 человек – тоже почти в 10 раз меньше, чем полагало руководство Красной Армии. Насчет общего числа немецких дивизий на Восточном фронте советский Генштаб ошибся не очень сильно (к 16 июня 1942 года на Восточном фронте, включая Финляндию, как раз находились германские силы, эквивалентные 184,5 расчетным дивизиям, включая 19 танковых, правда, в это число входило 12 охранных дивизий, имевших лишь ограниченную боеспособность и находившихся в глубоком тылу на оккупированных территориях; хотя, надо полагать, к концу апреля группировка была на несколько дивизий меньше) но вот степень их укомплектованности была многократно приуменьшена. Также преувеличены были советские данные о потерях неприятеля в боевой технике. С 1 декабря 1941 года до 1 февраля 1942 года германские войска на Восточном фронте безвозвратно лишились 951 танка и 881 самолета, в последующие же два с половиной месяца потери боевой техники были незначительны. Но советский Генштаб значительно преувеличил величину танкового пополнения, поступившего в германскую Восточную армию, и таким образом угадал общее число боеспособных танков, имевшихся у немцев на советско-германском фронте весной 1942 года. На 31 марта некомплект танков составлял свыше 2 тыс. машин, так что, с учетом численности танков и штурмовых орудий на 22 июня 1941 года, в строю оставалось чуть более 1,5 тысяч единиц бронетехники. Ошибка же советской разведки заключалась в том, что, преувеличив потери, она недооценила резерв танков, имевшийся в распоряжении германского командования, поэтому активные действия танковых соединений вермахта в мае и в ходе летнего немецкого наступления оказались для Красной Армии неприятным сюрпризом.

Соотношение сил члены Ставки явно преувеличивали в свою пользу. Во второй половине марта в Генштаб поступили сведения, что перегруппировка немецких войск указывает – «центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы». Но не все ли равно, где именно враг собирается нанести главный удар, если неприятельское наступление планировали упредить. Тем более, что в избытке были и разведданные иного рода – будто вермахт повторит генеральное наступление на Москву.

Действия командования Красной Армии, предпринятые весной 1942 года на южном крыле советско-германского фронта существенно облегчили осуществление первого этапа операции «Блау». Чтобы облегчить положение осажденного Севастополя, еще 26 декабря 1941 года советское командование высадило десант в Керчи. К тому времени здесь находилась всего одна немецкая пехотная дивизия и две румынские пехотные бригады. Командующий Закавказским фронтом генерал Дмитрий Козлов предполагал одновременно высадить войска в рай-

оне Керчи и в Феодосийский порт, чтобы окружить и уничтожить керченскую группировку противника. Затем советские войска должны были деблокировать Севастополь и полностью освободить Крым. Главный удар наносила в районе Феодосии 44-я армия генерала Алексея Первушина, вспомогательный – 51-я армия генерала Владимира Львова в районе Керчи. Они насчитывали 82 500 человек, 43 танка, 198 орудий и 256 минометов. Еще три стрелковые и одна кавалерийская дивизии находились в резерве на Тамани. Для десанта использовались 78 боевых кораблей и 170 транспортных судов, в том числе два крейсера, шесть эсминцев, 52 сторожевых и торпедных катера из состава Черноморского флота адмирала Филиппа Октябрьского и Азовской флотилии адмирала Сергея Горшкова. С советской стороны действовали более 700 боевых самолетов. 26 декабря десант высадился вблизи Керчи, а 30 декабря произошла высадка главных сил в Феодосийском порту. В первой волне десанта в районах высадки на берег сошли более 40 тыс. человек. В Феодосии десантники высадились прямо в порту и выбили из города небольшой немецкий гарнизон. В Керчи было труднее, поскольку пришлось высаживаться на необорудованное побережье, по грудь в ледяной воде под огнем немецких батарей. Керченский десант понес большие потери, и плацдармы, захваченные севернее Керчи, были ликвидированы противником. Но через несколько дней ударил мороз, и основные силы 51-й армии смогли переправиться по льду Керченского пролива. 29 декабря командующий 42-м армейским корпусом генерал граф Ханс фон Шпонек, опасаясь окружения, приказал немецко-румынским войскам отойти на Парчапские позиции. Приказ был тут же отменен Манштейном, но радиостанция штаба корпуса уже перемещалась на новое место и не смогла принять новый приказ. Не исключено, что Шпонек сознательно прекратил на некоторое время связь с Манштейном, чтобы тот не смог отменить приказ об отходе. На Керченском полуострове 46-я немецкая пехотная дивизия бросила свое тяжелое вооружение, включая 68 орудий, а ее командир генерал Курт Гиммер был убит. Шпонек за самоуправство поплатился очень тяжело. Он был предан суду и приговорен к расстрелу, замененному шестилетним заключением в крепость. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Шпонек был обвинен в участии в заговоре и казнен.

Поскольку советские войска продвигались слишком медленно, германо-румынские части успели создать заслон на рубеже отроги Яйлы – побережье Сиваша западнее Ак-Монай. Из-за узости фронта наступающие не могли в полной мере использовать свое подавляющее численное превосходство и предпринимали только лобовые атаки. Для высадки тактических десантов в тылу обороняющихся у командования Крымского фронта не хватало опыта, умения и малых высадочных средств. На плацдарме не было ни одного госпиталя. Многие раненые умирали, не дождавшись помощи, во время перевозки на Тамань. Поэтому потери, особенно безвозвратные, во время высадки десанта были особенно велики: более 40 тыс. человек, из них около 32 тыс. убитыми, замерзшими и пропавшими без вести, а также 35 танков и 133 орудия и миномета. Не было у десантников и зенитных орудий, что делало их беззащитными перед люфтваффе. Советские командиры действовали по шаблону, не отклоняясь от заранее разработанного плана. Части 44-й армии 1 января из Феодосии направились на восток, где германо-румынских войск вообще не было, тогда как в центральном Крыму они могли бы легко отбросить слабые части противника и прорваться к Севастополю.

4 января немецкие бомбардировщики потопили пять транспортов и тяжело повредили крейсер «Красный Кавказ». Это затруднило доставку на плацдарм боеприпасов и другого снабжения, а также подкреплений.

25 декабря Манштейн прекратил наступление на Севастополь и отправил 170-ю и 132-ю пехотные дивизии на Керченский полуостров.

5 января 1942 года Черноморский флот произвел высадку десанта в порту Евпатории в составе усиленного батальона морской пехоты (740 человек), но уже через три дня он был полностью уничтожен и фактически никакой помощи основным силам не оказал, несмотря на

то, что его удалось усилить примерно 200 освобожденными военнопленными. Из примерно 940 красноармейцев и краснофлотцев в живых остались 18 человек, включая одного матроса с тральщика «Взрыватель» и одного разведчика из разведгруппы, высаженной уже после уничтожения десанта. Остальные – 51 член экипажа – погибли, равно как и 12 из 13 разведчиков группы Ульяна Латышева, так что общее число погибших и пленных с советской стороны составило около 986 человек. Из-за удаленности от района высадки основных сил он никак не мог взаимодействовать с ними. Но и от Севастополя десантники находились слишком далеко, чтобы взаимодействовать с блокированной там Приморской армией. Вообще, в высадке евпаторийского десанта очень трудно увидеть что-то осмысленное. Скорее всего, десант провели, что называется «для галочки», в надежде, что под ударами войск, высадившихся на Керченском полуострове, и доблестных защитников Севастополя немцы и румыны вот-вот побегут из Крыма, и тогда евпаторийские десантники смогут беспрепятственно занять юго-западное побережье полуострова. Ведь заместитель наркома обороны Лев Мехлис заверил Сталина, что 3–4 января весь Крымский полуостров будет освобожден. Вместе с десантниками были партийные и советские работники, которые должны были взять власть в освобожденном городе. На практике же получилось очередное бессмысленное жертвоприношение солдатских жизней.

Столь же неудачным и противоречивым был Судакский десант. 5—24 января 1942 года в Судак было высажено около 2 300 человек, из которых уцелели не более 350. Участь десанта была решена, когда против него начиная с 19 января стали действовать освободившиеся после взятия Феодосии немецкие части. Но и до этого десантники не смогли сломить сопротивление немногочисленных румынских частей. В плен немцы и румыны захватили не менее 896 десантников. У румынских войск было 260 убитых, 63 пропавших без вести и 571 раненый. Потери немцев, а также союзных им крымско-татарских формирований были незначительны. Сыграла свою роль небольшая численность десантников и неудачное место высадки, поскольку из Судака вглубь Крыма и к Севастополю идет слишком мало дорог, которые противник легко перекрыл.

Во время десантов в Керчи, Феодосии и Евпатории десантники захватили немецкие госпитали, уничтожив при этом беспомощных раненых и часть медперсонала. Один из немногих уцелевших евпаторийских десантников А. Корниенко вспоминал: «Мы ворвались в госпиталь... ножами, штыками и прикладами уничтожали немцев, выбрасывали их через окна на улицу...» В отместку немцы, вновь заняв евпаторийский и феодосийский госпитали, убили находившихся там раненых советских десантников.

15 января немцы, перебросив часть войск от Севастополя, перешли в контрнаступление, ударив в стык 44-й и 51-й армий в районе Владиславовки. В этот день штаб 44-й армии был уничтожен авианалетом, и командарм Алексей Первушин был тяжело ранен. 18 января немцы отбили Феодосию. Войска Кавказского фронта отошли за Акманайский перешеек. 28 января был образован Крымский фронт под командованием генерала Козлова. В начале февраля фронт был усилен 47-й армией генерала Константина Калганова. 27 февраля советские войска перешли в наступление на Керченском полуострове. Навстречу им нанесла удар Приморская армия, не сумевшая, однако, прорвать кольцо осады. Представителем Ставки на Крымском фронте был назначен армейский комиссар 1-го ранга Лев Мехлис, начальник ГлавПУРа.

Наступление не принесло успеха и 19 марта было прекращено. 9 апреля Крымский фронт предпринял свое последнее наступление с участием 160 танков, которое было остановлено уже через два дня.

На 1 мая 1942 года войска Германии и союзников, включая резервы и охранные дивизии, на советско-германском фронте насчитывали 3 475 тыс. человек, 22 638 орудий и минометов (калибром от 75 мм и выше, без зенитных орудий), 2 360 танков и штурмовых орудий и 1 779 боевых самолетов (1 372 немецких, 205 финских, 132 румынских и 70 итальянских). Им противостояли девять советских фронтов, 52 общевойсковых и пять саперных армий, две

оперативные группы, шесть стрелковых, девять кавалерийских, один воздушно-десантный и 10 танковых корпусов, 317 стрелковых и 31 кавалерийская дивизии, 16 УРов, 123 стрелковых, морской пехоты, мотострелковых, лыжных и воздушно-десантных бригад, 85 танковых бригад. Они будто бы насчитывали 5,5 млн. человек, 43 640 орудий и минометов (калибром от 76 мм и выше, без зенитных орудий), 1 220 установок реактивной артиллерии, 4 065 танков, 3 160 боевых самолетов, не считая 375 легких ночных бомбардировщиков У-2, а также 1 200 истребителей в составе войск ПВО, и около 400 боевых самолетов Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

Численность советских войск в 5,5 млн. человек не внушает больших сомнений. Штатная численность стрелковой дивизии была определена в марте 1942 года в 12,5 тыс. человек. Численность стрелковых бригад составляла от 4 356 до 6 тыс. человек. Значит, только в этих соединениях должно было быть порядка 4,6 млн. человек, 10 танковых корпусов и 85 танковых бригад могли насчитывать порядка 200 тыс. человек, 31 кавалерийская – порядка 100 тыс. человек, 16 УРов – порядка 50 тыс. человек. Можно предположить, что остальные части армейского и фронтового подчинения насчитывали порядка 650 тыс. человек. Тогда общую численность советских войск без резервов действительно можно оценить в 5,5 млн. человек.

Но вот резервы существенно увеличивали число бойцов. В резерве находилось 10 стрелковых и четыре кавалерийских дивизии, 15 стрелковых и мотострелковых и три танковых бригады. Кроме того, в Иране имелись три кавалерийские и горнокавалерийских дивизии, три стрелковых и горнострелковых дивизии, одна танковая бригада и один отдельный горнострелковый полк. В Забайкалье и на Дальнем Востоке насчитывалось 34 дивизии и 35 бригад. Во внутренних округах имелось 74 стрелковых и горнострелковых, 19 кавалерийских дивизий, 60 стрелковых, мотострелковых и воздушно-десантных, 23 истребительных и 85 танковых бригад. Таким образом, даже без учета войск, дислоцированных на Дальнем Востоке и в Иране, а также без дивизий НКВД, советское командование могло в самое ближайшее время усилить войска на фронте соединениями общей численностью не менее 1,5 млн. человек, что в сумме давало двукратный численный перевес над противником. У немцев же в тот момент вообще не было готовых дивизий, которые можно было бы перебросить на Восточный фронт. Были лишь союзные войска, которые могли прибыть в ближайшие 2–3 месяца.

8 мая началось немецкое контрнаступление на Керченском полуострове, получившее условное название «Охота на дроф». Его осуществляли пять немецких пехотных и одна танковая дивизия, а также две румынские пехотные дивизии и одна румынская кавбригада. Манштейн рассчитывал уничтожить главные силы обороняющихся еще во время прорыва, чтобы не дать им возможности использовать свое численное превосходство. Основные советские штабы были выведены из строя мощными авианалетами. Так, 9 мая был уничтожен КП 51-й армии. Генерал Львов был убит. Основной удар наносился на юге, а на севере Манштейном был предпринят обходный маневр. В штабе Крымского фронта немецкое наступление стало полной неожиданностью. 8 мая Мехлис пожаловался Сталину на Козлова, который будто бы не слушал его предупреждения о предстоящем немецком наступлении. Сталину такая попытка снять с себя ответственность не понравилась, и 9 мая он, не скрывая раздражения, телеграфировал Мехлису: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы все еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответ-

ственный представитель Ставки. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов».

Главные силы Крымского фронта в беспорядке отступили к Керчи и 18 мая прекратили сопротивление.

Общие потери советских войск в мае 1942 года на Керченском полуострове составили более 300 тыс. человек, включая 170 тысяч пленных, а также 258 танков, 417 самолетов и 1 133 орудия. На Таманский полуостров до 20 мая было эвакуировано, включая раненых, 116,5 тыс. военнослужащих, а также 25 орудий, 27 минометов и 47 установок РС... Потери 11-й немецко-румынской армии не превышали 10 тыс. человек и за первые две декады мая составили 1 289 убитых, 5 708 раненых и 342 пропавших без вести.

Главным виновником поражения на Керченском полуострове Сталин объявил представителя Ставки Мехлиса, командующего Крымским фронтом Козлова и его начальника штаба генерала Петра Вечного. Они были понижены в должностях, а первые двое и в званиях. 4 июня 1942 года в директиве Ставки утверждалось, что они, а также командующие армиями «обнаружили полное непонимание природы современной войны» и «пытались отразить атаки ударных группировок противника, насыщенных танками и поддержанных сильной авиацией, линейным построением обороны – уплотнением войск первой линии за счет уменьшения глубины боевых порядков обороны». Мехлиса и руководство Крымского фронта обвинили в неумении обеспечить маскировку командных пунктов и организовать надежную связь и взаимодействие войск, а также в том, что с отводом войск опоздали на двое суток. Однако указанные недостатки были свойственны практически всем советским командующим фронтами и армиями, а отнюдь не только Мехлису и Козлову.

Через 20 с лишним лет после керченских событий генерал Козлов к виновникам катастрофы причислил также командующего Черноморским флотом адмирала Ф. С. Октябрьского. Действительно, Филипп Сергеевич, обладая господством на море и значительными силами авиации, не смог организовать эвакуацию войск Крымского фронта через узкий Керченский пролив. Также несомненна вина Козлова, Вечного и Мехлиса, которые не сумели организовать на узком фронте оборону против неприятеля, значительно уступавшего Крымскому фронту в людях и технике и при условии, по меньшей мере, равенства сил в авиации. Однако главные причины поражения Красной Армии в Крыму носили системный характер и были вызваны общими пороками советских вооруженных сил. Крымскому фронту противостоял один из лучших полководцев вермахта, который сумел навязать противнику маневренную борьбу, к которой тот не был подготовлен, и полностью использовал господство люфтваффе в воздухе. Руководители Крымского фронта готовились к наступлению, не уделив должного внимания обороне. Но примерно такими же были причины проигрыша Красной Армией и ряда других сражений, в частности, Вяземского.

Если бы командование Крымского фронта действовало в соответствии с принципами военного искусства, то они могли одержать победу на Керченском полуострове еще в декабре 41-го – январе 42-го. Достаточно было наладить взаимодействие между десантами и флотом, поддерживать устойчивую радиосвязь с десантниками, не допускать промедления, а сразу же развивать успех, наступая вглубь полуострова. Тогда, как признавал Манштейн, 11-я германо-румынская армия могла оказаться действительно в опасном положении. После же неудач января 1942 года Крымскому фронту необходимо было не наступать, а занять жесткую оборону, проведя соответствующие фортификационные работы, благо, что узкий фронт на Керченском полуострове позволял сделать это в короткий срок. В наступление можно было переходить только в случае, если бы Манштейн начал новый штурм Севастополя, и было бы достоверно установлено, что он отвел к Севастополю значительные силы от Керчи. Но вряд ли командующий 11-й армии рискнул бы штурмовать Севастополь, не сбросив в море советские войска на Керченском полуострове. А в случае, если бы вместо бестолкового наступле-

ния они подготовились к обороне, то не исключено, что уступавшие им по численности германо-румынские войска не смогли бы прорвать фронт, и к моменту операции «Блау» в Крыму бы еще продолжалась напряженная борьба с далеко не ясным исходом.

7 июня 1942 года начался последний штурм немцами Севастополя. 17 июня они вышли на подступы к Сапун-горе, захватили форты «Сталин» и «Максим Горький-1» и подножие Мекензиевых высот. Теперь немецкая артиллерия могла обстреливать Северную бухту и практически парализовала подвоз подкреплений и боеприпасов. У зенитной артиллерии в Севастополе кончились снаряды, и люфтваффе завоевали абсолютное господство в воздухе. Оборона города стала невозможна, но командование Севастопольского оборонительного района и Ставка вовремя не позаботились об эвакуации, до последнего рассчитывая удержать город. В ночь с 28 на 29 июня без артиллерийской подготовки немецкий десант на надувных лодках внезапно атаковал хорошо укрепленный Южный берег Севастопольской бухты и 30 июня захватил Мамаев Курган. Только тогда защитники Севастополя, у которых закончились боеприпасы, получили разрешение на эвакуацию. Было вывезено самолетами и подводными лодками только около 2 тыс. человек, главным образом из высшего командного и политического состава, включая командующего Приморской армией Ивана Петрова и командующего СОР и Черноморским флотом Филиппа Октябрьского и других старших офицеров и политработников. В отличие от немцев, Сталин, опасаясь, что его генералы попадут в плен и, еще не дай бог последуют примеру генерала А. А. Власова, в первую очередь стремился эвакуировать их из окружения. Остальные защитники Севастополя остались без командования и практически были брошены на произвол судьбы. 1 июля организованное сопротивление прекратилось, но отдельные разрозненные группы красноармейцев и моряков продолжали сопротивление до 4 июля, тщетно надеясь, что за ними придут корабли. Немцы захватили 100 тыс. пленных, 622 орудия, 26 танков и 141 самолет. В ходе обороны Севастополя Черноморский флот также потерял, главным образом потопленными с воздуха, крейсер «Червона Украина», четыре эскадренных миноносца, четыре крупных транспорта и подводные лодки С-32 и Щ-214.

Потери 11-й немецко-румынской армии в период с 21 мая по 10 июля 1942 года составили 5 045 убитыми, 23 397 ранеными и 1 323 пропавшими без вести.

При обороне Севастополя, вопреки распространенному мнению, Отдельная Приморская армия сковывала не превосходящие, а равные по численности силы немцев и румын, которые, однако, в последние недели имели полное господство в воздухе и подавляющий перевес в обеспечении боеприпасами. Несмотря на советское господство на море, снабжение Севастополя, а потом и эвакуация его защитников были парализованы с помощью авиации. Основная задержка со взятием Севастополя была связана с необходимостью ликвидировать группировку советских войск на Керченском полуострове. Гитлер не считал отвлечение 11-й армии на осаду Севастополя критически важным обстоятельством для реализации своих планов на южном крыле Восточного фронта. Поэтому после взятия Севастополя основная часть 11-й армии и осадная артиллерия были переброшены под Ленинград, чтобы эти войска, имевшие опыт штурма укрепленных городов, попытались взять советскую северную столицу.

Тем не менее, разгром советских войск в Крыму означал, что отсюда они уже не смогут угрожать ударом в тыл войск, осуществлявших операцию «Блау», или, будучи эвакуированы, не усилят советское сопротивление на Кавказе и на Дону.

В операции «Блау» участвовала лишь меньшая часть дивизий бывшей 11-й армии. Однако те ее дивизии, которые были переброшены под Ленинград, сковали там значительные советские силы, которые в противном случае могли бы быть переброшены на юг.

Но еще важнее было то, что в результате неудачного советского наступления под Харьковом оказались уничтожены несколько советских армий, включавших стратегические резервы Юго-Западного направления, поэтому советские войска на направлении германского наступления оказались значительно ослаблены.

Советское наступление в мае 1942 года под Харьковом только помогло немецкому плану ликвидации Барвенковского выступа, чтобы создать более благоприятные условия для начала операции «Блау».

Операция по освобождению Харькова в случае успеха должна была стать началом генерального наступления Красной Армии по освобождению Украины.

12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта перешли в наступление на Харьков с Барвенковского плацдарма за Северским Донцом. Немецкое командование планировало начать наступление на барвенковский плацдарм 18 мая, однако советские войска упредили противника. Эта операция была задумана главкомом Юго-Западного направления маршалом Тимошенко. Обеспечивать ударную группировку с юга должен был более слабый Южный фронт. В случае успеха наступления предполагалось сначала окружить и уничтожить 6-ю немецкую армию, а затем освободить от немцев Левобережную Украину и выйти к Днепру, уничтожив основные силы группы армий «Юг» в гигантском «котле» у Азовского моря. Предполагалось наступать на Запорожье, выйти в тыл донбасско-таганрогской группировки противника, прижать ее к Азовскому морю и уничтожить. Юго-Западный фронт должен был выйти к среднему течению Днепра, а Южный – к низовьям Южного Буга.

Член Военного совета Юго-Западного фронта и направления Никита Хрущев вспоминал: «Был намечен такой план: главный удар нанести противнику весной на дуге, которую мы создали южнее Харькова, а вспомогательный удар меньшими силами – севернее Харькова, и таким образом, взяв Харьков в клещи, освободить его. Когда планировали, мы были уверены, что эта операция у нас получится, что мы решим задачу и откроем весенне-летние военные действия таким эффектным результатом, как освобождение крупнейшего промышленного и политического центра Украины».

Наступление не стало неожиданным для немцев. Их главная оборонительная полоса под Харьковом имела глубину до 20 км. Основу обороны составляли опорные пункты и узлы сопротивления, созданные вокруг населенных пунктов. Вторая оборонительная полоса была построена в 10–15 км от переднего края, тыловая – в 20–25 км от фронта.

Тем не менее, сначала наступление развивалось успешно. С юга главный удар наносила 6-я армия генерала Авксентия Городнянского. Армейская группа генерала Леонида Бобкина наносила удар на Красноград, обеспечивая 6-ю армию с юго-запада. 57-я армия генерала Кузьмы Подласа и 9-я армия генерала Михаила Харитоновича из состава Южного фронта должны были оборонять барвенковский плацдарм с юга, чтобы обеспечить с юга ударную группировку Юго-Западного фронта.

Части армии Городнянского прорвались к Чугуеву и Мереве. На севере 28-я армия Дмитрия Рябышева и 38-я армия генерала Кирилла Москаленко смогли продвинуться на 65 км в районе Волчанска, но не сумели соединиться с южной группой и замкнуть кольцо окружения. 21-я армия генерала Василия Гордова, действовавшая на севере, ввязалась в борьбу за отдельные немецкие опорные пункты и почти не продвигалась. Тем не менее, первый оборонительный рубеж был прорван. 28-я армия продвинулась на 6–8 км и вышла к тыловому рубежу немецкой обороны. Однако командование Юго-Западного фронта так и не решилось ввести в прорыв танковые соединения. Оно также допустило просчет во времени, когда могут подойти немецкие оперативные резервы. Тимошенко полагал, что на это потребуется 5–6 дней, тогда как на самом деле они начали подходить к полю боя уже на второй день советского наступления.

Под Харьковом 430 немецким танкам и штурмовым орудиям противостояли 1 100 советских танков, причем на равных с Т-34 могли сражаться только 12 модифицированных немецких танков Т-IV с длинноствольной 75-мм пушкой.

Еще 15 мая Тимошенко и Хрущев оптимистически оценивали перспективы наступления. В донесении, посланном ими в этот день в Ставку, утверждалось: «Для нас теперь совершенно

ясно, что противник, сосредоточив в Харькове две полнокровные танковые дивизии, вероятно, готовился к наступлению в направлении Купянск и что нам удалось сорвать это наступление в процессе его подготовки. Очевидно также, что сейчас противник в районе Харькова не располагает такими силами, чтобы развернуть против нас встречное наступление...»

Южнее Харькова Тимошенко решил ввести в бой утром 16 мая два танковых корпуса. Группа Бобкина должна была силами 6-го кавалерийского корпуса овладеть Красноградом. Однако к назначенному сроку танковые корпуса не успели подойти к линии фронта. Немцы же в течение 16 мая завершили перегруппировку и приготовились к наступлению. В то же время они привели в порядок отошедшие части и уничтожили все мосты через реку Берестовая, которая в условиях весеннего паводка превратилась в серьезное противотанковое препятствие. Тем не менее, к исходу 16 мая советские войска форсировали Берестовую. Но для того, чтобы утром 17 мая ввести в прорыв танковые корпуса, требовалось восстановить мосты, что саперы сделать не успели. Кавалеристы Бобкина не смогли овладеть Красноградом.

В целом к исходу 16 мая советские войска продвинулись на 20–35 км и вели бои на рубежах, выход к которым планировался уже на третий день операции. Танковые корпуса на северном участке втянулись в оборонительные бои, а на южном участке только готовились к вводу в прорыв. Здесь еще предстояло прорвать тыловой оборонительный рубеж 6-й немецкой армии по реке Берестовая.

Но 17 мая немецкие 1-я танковая армия генерала Эвальда Клейста и 17-я армия генерала Германа Гота в рамках операции «Фредерикус I», готовившейся еще до начала советского наступления, атаковали барвенковский плацдарм с юга, прорвали слабый фронт 9-й армии и вышли на тылы обеих ударных группировок. Двух танковых дивизий, 14-й и 16-й, хватило, чтобы взломать советскую оборону. Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами 6-й армии от Балаклеи и армейской группы Клейста от Славянска и Краматорска в направлении на Изюм окружить и уничтожить советские войска на барвенковском выступе и захватить плацдарм в районе Изюма, который в дальнейшем должен был стать исходным рубежом для будущего генерального наступления. Немецкое наступление явилось полной неожиданностью как для командования Юго-Западного направления, так и для Ставки. Положение усугублялось тем, что войска левого фланга 9-й армии и фронтового резерва утром 17 мая находились в процессе перегруппировки в связи с тем, что ранее, с 7 мая, командование 9-й армии по своей инициативе, но с разрешения Военного совета Южного фронта, проводила частную наступательную операцию в районе Маяки, чтобы расширить узкую горловину Барвенковского выступа. Эта операция не принесла особого результата (дело ограничилось занятием западной окраины селения Маяки) и была закончена только 15 мая. Часть войск двигалась в новые районы сосредоточения для занятия оборонительного положения и сосредоточения в качестве резервов, и у них не было надежной связи со штабами армии и фронта. Штаб 9-й армии 15–16 мая по приказу Ставки передислоцировался из с. Долгенькая в Каменку, где средства связи еще не были готовы, поэтому в Долгенькой остался Временный пункт управления. Командованию 9-й армией, а потом и командованию Южного фронта и Юго-Западного направления слишком поздно стало известно о масштабах немецкого прорыва. Хотя 9-я армия находилась в обороне с начала апреля, за месяц она так и не успела толком укрепить свои позиции. Были отрыты лишь окопы полного профиля и построены легкие блиндажи. ДЗОТы только начали возводить, а противотанковых и противопехотных препятствий в виде ежей, надолбов и колючей проволоки, а также минных полей почти не было.

В первый же день авианалетами был выведен из строя пункт управления 9-й армии, через который проходили и основные линии связи 57-й армий. Фронт 9-й армии был прорван. Штаб Южного фронта узнал о начавшемся наступлении противника лишь во второй половине дня, когда прорыв уже осуществился, а штаб Юго-Западного направления – только к исходу дня. 17 мая на фронте 6-й советской армии были введены в прорыв два танковых корпуса, кото-

рые продвинулись вперед на 15 км. Была перерезана железная дорога Харьков – Красноград. Однако из-за недостатка боеприпасов кавалерийский корпус не смог овладеть Красноградом. 18 мая группа Клейста, развивая наступление, заняла южную часть Изюма и уничтожила 12-ю танковую бригаду. Повернув от Изюма на запад, противник отрезал от переправ части 5-го кавкорпуса и двух стрелковых дивизий. Советскую авиацию пришлось срочно перебазировать с аэродромов в Изюме и Петровской, находившихся под угрозой захвата, так что она не могла поддержать свои войска. 18 мая заместитель начальника Генштаба Василевский предложил остановить наступление на Харьков и бросить основные силы ударных группировок для ликвидации прорыва на юге, но Тимошенко убедил Сталина, что угроза со стороны краматорской группировки преувеличена. В этот день 6-й кавкорпус полностью окружил Красноград. Лишь во второй половине 19 мая Тимошенко принял решение приостановить наступление 6-й армии, закрепиться на достигнутых рубежах и совместным ударом 6-й, 57-й и 9-й армий разгромить армейскую группу Клейста. Одновременно 38-я армия должна была разгромить чугуевскую группировку немцев. Однако организация контрудара затянулась. А 22 мая две танковые дивизии 6-й немецкой армии форсировали Северский Донец и двинулись навстречу группе Клейста. В этот день советские войска на барвенковском выступе были окружены. В «котле» оказались 20 стрелковых, семь кавалерийских дивизий и 14 танковых бригад. Из окружения несколькими группами удалось вырваться лишь 22 тыс. человек. К 30 мая основные силы 6-й, 9-й, 57-й армий и оперативной группы генерала Леонида Бобкина были уничтожены. В плен попали 239 тыс. бойцов и командиров. Было потеряно 2 026 орудий, 1 249 танков и 540 самолетов. В окружении погибли генералы Костенко, Бобкин, Городнянский и Подлас. 1-я танковая, 6-я и 17-я немецкие армии во 2-й и 3-й декаде мая потеряли 5 048 человек убитыми, 22 127 ранеными и 2 269 пропавшими без вести. Успех германских войск был обеспечен благодаря их преимуществу в маневренности и средствах управления, лучшего взаимодействия родов войск, благодаря лучшей боевой подготовке войск.

Вот как описывал впечатления от советского наступления под Харьковом неизвестный нам командир батальона немецкой 294 пехотной дивизии, оборонявшей Песчаное. 1 мая 1942 года он записал в дневнике: «Сегодняшний перебежчик принес сведения, что русские хотят наступать 15 мая. Ну, до этого времени мы будем готовы. Пусть тогда приходят». Из этой записи можно сделать вывод, что наступление Юго-Западного фронта не было неожиданно для германского командования.

5 мая появились новые перебежчики, что тоже было отмечено в дневнике неизвестного нам капитана вермахта: «...Сегодня у нас было целых 10 перебежчиков. Из них восемь азиатов и двое русских. Последние принадлежали к инженерной разведке, которая имела задачу выяснить условия перехода Бабки танками. В Молодой уже построены штурмовые мосты для танков. Следовательно, мы с большой определенностью можем считаться с тем, что русские будут атаковать наш участок танками».

8 мая добавились новые сведения: «Сообщения о подготовке русского наступления усиливаются. Перебежчики нам приносят много существенных новостей – часто, может быть, преувеличенных, но в основном верных. Постройка мостов, их всего семь, и одной переправы указывает на то, что наступление будет произведено против нашего участка. Целая дивизия, которая будет действовать против нас, находится на марше.

Говорят и о танках. Сегодня прозвучало число – 300!!! Через русло Бабки они хотят переправиться штурмовым мостом. Знаменитые ракетные орудия на 50 выстрелов также должны быть применены против нас».

А вот Альфред Риммер, погибший в Сталинграде солдат мотопехотного полка 16-й танковой дивизии, сыгравшей решающую роль в германском контрнаступлении под Харьковом, так описал в дневнике ход этого контрнаступления: «18 мая – В три часа началось. Танки все

время преследуют врага. Уличная борьба, вечером бои за каждый дом. Взято множество пленных.

19 мая – Опять с рассвета преследуем врага. Заняли село и взяли добычу: молоко, яйца, кур, свиней. Замечательно! Очистили село и дальше. Взято 100 пленных. Пришли перебежчики с пропусками. Налет новых американских самолетов.

20 мая – Наше задание выполнено. Кольцо замкнуто, частично мы его уже сжали. Взято 1000 пленных.

22 мая – Идем вдоль и поперек России, ломая всякое сопротивление. В 12 часов наступали на сильные отборные войска. Бой продолжался до 10 часов вечера – это был самый страшный наш бой. Мы понесли тяжелые потери. Наши собственные самолеты бомбили нас. Все это так страшно, что я себе никогда не представлял ничего подобного.

23 мая – Мы три раза меняли позиции, так как слишком слабы.

24 мая – Кольцо замкнуто. Русским некуда деться. С 7 до 16 отбивали атаки. Я уже было потерял всякую надежду, так как русские имели десятикратное превосходство.

25 мая – Атаки русских следуют волна за волной с 11 до 19 часов, но наша артиллерия делает свое дело и самолеты тоже.

Помоги нам бог! Долго мы при всем желании не сможем продолжать так. Русские в 50 метрах от нас. Не хватает боеприпасов. Или русские сейчас прорвутся, или сдадутся. Окружение скоро увенчается успехом, взято 1000 пленных.

26 мая – Бог помог нам: русские не предприняли атак. С 7 до 12 бомбардировали 200 русских самолетов. В час наша авиация. Всюду убитые. Добыча за добычей. Здесь три армии в окружении. Мы двумя ротами против одной армии удерживали высоту... Если бы русские атаковали, они уничтожили бы нас. Все мы уже попрощались с жизнью – вокруг переключка: рота выполнила свою задачу и может идти в село. Покушали и даже легли спать, но – «Рота, приготовиться в сторожевое охранение». Когда наш взвод проходил через лес, на расстоянии 100 метров с криками «Ура» вырвались русские. Наш огонь отразил атаку...»

Бросается в глаза, что немецкие солдаты действуют тактически гораздо более грамотно, чем их противник, у которого все сводится к массивным лобовым атакам, без должной разведки и взаимодействия родов войск.

Накануне начала осуществления операции «Блау» в руки советского командования попали планы немецкого наступления на юге восточного фронта, однако, к сожалению, это обстоятельство никак не было использовано для лучшей подготовки к отражению немецкого наступления.

За девять дней до начала немецкого наступления произошел инцидент, поставивший его под угрозу срыва. 19 июня майор Иоахим Рейхель, начальник оперативного отдела штаба 23-й танковой дивизии, на легком самолете вылетел в части. В нарушение всех правил он взял с собой планы предстоящего наступления. Самолет был сбит, а документы попали в руки советских солдат. Бывший начальник штаба Брянского фронта генерал М. И. Казаков вспоминал: «19 июня на Юго-Западном фронте, в районе Нежеголь, был сбит немецкий военный самолет. Все, кто находились в нем, погибли, но в планшете одного из погибших сохранилась карта 1:100000 и еще какие-то документы. При тщательном изучении удалось установить, что планшет принадлежал майору Рейхелю, начальнику оперативного отдела 23-й танковой дивизии, и что этот самый Рейхель доставлял в свой штаб директиву командира 40-го танкового корпуса 6-й немецкой армии о предстоящей наступательной операции «Бляу» (так у автора. – Б.В.).»

Особенно подробно была расписана в директиве задача 40-го танкового корпуса, который имел в своем составе две танковые дивизии (3-ю и 23-ю), одну моторизованную (29-ю) и две пехотные (100-ю и 376-ю). На первом этапе операции корпусу надлежало наступать частью сил из района Волчанск в общем направлении на Волоконовка, Старый Оскол, с тем чтобы у Старого Оскола соединиться с войсками 4-й немецкой танковой армии, наступающей из рай-

она Щигры, и замкнуть кольцо окружения значительной группировки советских войск. В дальнейшем эти части противника становились авангардом его 6-й полевой и 4-й танковой армий, коим предстояло вести наступление дальше – вдоль реки Дон на юго-восток».

Однако М. И. Казаков признает, что «несмотря на большую интенсивность работы всех видов нашей разведки – и авиационной, и наземной – нам не удалось установить тогда с достаточной точностью состав сил противника. Мы знали лишь общее количество его дивизий, предназначенных для наступления в первом эшелоне (с ошибкой в две-три единицы), но не имели данных о танковых и моторизованных соединениях». Несомненно, что всю группировку немецких войск, равно как и весь замысел операции «Блау» документы и карты, захваченные у майора Рейхеля, не раскрывали. Однако уже одно то, что стало известно о задачах 40-го танкового корпуса, должно было насторожить советское командование, поскольку указывало на проведение крупной наступательной операции с решительными целями.

Вечером 20 июня между главнокомандующим Юго-Западным фронтом и направлением маршалом Тимошенко и Сталиным состоялся разговор по прямому проводу: «Василевский. Здравствуйте. Товарищ Сталин сейчас будет говорить. Ставка просит Вас кратко доложить обстановку, Ваше отношение к перехваченным у немцев документам и какие мероприятия Вы считаете необходимым провести в ближайшее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.